

1

Можно было ожидать, что люди будут передавать эту историю из уст в уста, шептаться о ней на лестничных площадках или в спальнях и долгие годы пересказывать ее в мельчайших подробностях, но, как ни странно, когда она случилась — несмотря на то, что были свидетели, очевидцы в буквальном смысле слова, — никто о ней даже не обмолвился. Ни на иврите, ни по-русски, ни по-американски. Как будто все решили, что время прикроет скандал, словно пеленой, и секунды, как снежинки, слипнутся в минуты. Все равно никто не поверит.

Но если, допустим, в полночь кто-нибудь принесет лестницу и приставит ее к западной стене здания мэрии, если проворные ноги, ступенька за ступенькой, заберутся по ней и решительная рука откроет нужное окно (разбивать необходимости нет: архивариус мэрии Реувен любит оставлять его приоткрытым, чтобы поддувал легкий ветерок), то он без всякого труда, щелкнув выключателем, зажжет свет и найдет во втором ряду, на одной из нижних полок, слегка разлохматившуюся по краям папку «Пожертвования 1993–1994», а в ней, быстро перелистав бумаги, — адресованное мэру официальное письмо от Джеремайи Мендельштрума из Хилборна, штат Нью-Джерси.

Следует сразу предупредить читателя: это письмо хоть и официальное, но отнюдь не короткое, ибо с Джеремайей Мендельштрумом, похоже, произошло то, что иногда происходит с теми, кто берет в руку перо: оно увлекло его за собой. Возможно, свою лепту внесло и одиночество — причина всех излишеств. В результате, вопреки первоначальному намерению господина Мендельштрума сделать сжатое деловое предложение, на первых двух страницах он неожиданно увлекся описанием госпожи Мендельштрум (ушедшей в мир иной), и эти строки отнюдь не отличались лаконизмом, но были длинными и мутными, как тоска. Не ограничиваясь затасканными определениями — «праведница», «образцовая супруга, какой больше не сыскать» и прочими, — он знакомил читателя с мельчайшими подробностями их совместной жизни: описывал их первую неловкую встречу на церемонии обрезания у Фришбергов (как она отошла в сторону, не в силах смотреть на процесс удаления крайней плоти, и как он, не в силах не смотреть на нее, повернул к ней голову) и их вечернюю прогулку от Вест-Виллиджа до Гудзона, случившуюся годом позже, во время которой она посвятила его в свои планы и сказала: «Мне важно, чтоб ты знал: я не из тех, кто, гуляя с любимым по набережной Гудзона, посвящает его в свои планы только для того, чтобы через два месяца забеременеть и отказаться от всех этих планов». — «Боже упаси! Ни в коем случае!» — сказал он, но сердце у него чуть не выскочило из груди, потому что она впервые сказала — пусть и не напрямую, — что любит его. В следующие

сорок лет она признавалась ему в любви всего несколько раз, но так истово, словно читала молитву, заставляя его — в промежутках — мечтать о повторении; и вот сейчас, после ее ухода, он с сожалением обнаружил, что мечтать ему больше не о чем. Да, время от времени она смотрела на него глазами его детей, а одна из внучек, младшая дочь старшего сына, улыбалась в точности как она (а выражая удивление, точно так же вскидывала брови), но Америка, сами понимаете, это не Израиль: американские семьи больше напоминают осколки разбитой вазы, чем элементы пазла, поэтому жизнь, если не считать праздничных застолий в еврейский Новый год и Песах, потеряла для него всякий смысл. Один день походил на другой, и даже богатство, ради которого он все эти годы трудился с утра до вечера, даже богатство его уже не радовало. Именно по этой причине ему и пришла мысль увековечить память любимой с помощью новой миквы, построенной в Городе праведников, куда они с супругой планировали съездить вместе еще прошлым летом (даже купили билеты на самолет и путеводитель по могилам праведников — в английском переводе, разумеется), но однажды в воскресенье, когда он листал газеты, из спальни донесся глухой стук, словно кто-то ударил кулаком по боксерской груше.

Но писать про это подробно он не хотел. Не мог он подробно писать про это. Возможно, не сможет никогда. И вместо этого перешел к сути дела.

Как уже упоминалось, он намеревался принести в дар Городу праведников новую микву, взяв на себя все связанные с этим расходы, и выдвигал всего

одно условие; вернее сказать, это было не столько условие, сколько надежда, мерцавшая в нем, как заупокойная свеча в подсвечнике: что здание миквы — и табличка с именем его жены на входе — будет построено к будущему лету, когда он намеревался посетить Святую землю. Если, конечно, на то будет Божья воля.

С того дня, как Моше Бен-Цук надел кипу и переехал в Город праведников, он изо всех сил старался вести себя как человек, родившийся заново, и на все свои былые безумства смотрел с безопасного расстояния. Однако вопреки всем стараниям у него сохранилось несколько привычек, приобретенных в его бытность кибуцником с разбитым сердцем и офицером разведки с секретной-военной-базы-про-которую-знают-все: он продолжал коллекционировать карты, напевать под нос песни Шалома Ханоха, выкуривать после обеда одну сигарету «Ноблес» и отгонять рукой запах Айелет, стоило ему его учуять.

Запах Айелет не походил на аромат корицы или определенной марки шампуня. Просто это был ее запах. И каждый раз, когда его нос улавливал этот запах, будь то возле полки молочных продуктов в супермаркете, у качелей в парке аттракционов, а то и (не иначе, то были происки дьявола) в синагоге, его рука решительно его отгоняла, но глаза — хотя Бен-Цук и знал, что шансов на это ноль, да и с чего бы вдруг, — его глаза начинали шарить по сторонам: а что, если все-таки...

В то утро запах Айелет проник в машину вместе с зимним ветром. Бен-Цук немедленно закрыл окно, но стало только хуже: он оказался заперт в салоне с этим запахом, оставшись с ним один на один. Поэтому он снова открыл окно и попытался выгнать запах рукой, посмотрел в салонное зеркало, в зеркало заднего вида и опять в салонное (хотя шансов ноль, да и с чего бы вдруг, и не дай бог, чтобы она вернулась), но в конце концов перевел взгляд на дорогу и нажал на педаль газа. Он знал, что сейчас ему лучше всего приехать на работу. И поскорее. Там он хотя бы сможет сунуть нос в чужие дела.

Как личный помощник мэра по связям с общественностью, Бен-Цук располагал просторным кабинетом, по стенам которого он развесил разнообразные карты: необходимые (такие, как карта синагог и карта религиозных школ), духоподъемные (такие, как карта ежегодных пожертвований) и совершенно бесполезные, составленные исключительно из любви к картографии (такие, как карта географического распределения автомобилей фирмы «Субару» по годам производства или карта обитания городских сумасшедших).

На еженедельные заседания горсовета он приходил раньше всех, чтобы успеть развесить свои карты и графики и использовать их во время дебатов («вот, случайно подготовил»), и точно так же поступил, когда совет собрался обсудить письмо вдовца-филантропа Джеремайи Мендельштрума.

— Такова сегодняшняя ситуация, — сказал Бен-Цук, вставая с места и энергично, хоть и наугад,

тыча длинной тонкой указкой в середину карты микв.

Участники совещания невольно вздрогнули — с такой силой указка вонзилась в карту. Бен-Цук представлял собой человекоподобный шар, раздраемый изнутри многочисленными противоречивыми побуждениями. Под рукавами рубашки у него бугрились мышцы, и люди — ошибочно — принимали его за культуриста. Он смотрел глубоким пронзительным взглядом, в котором постоянно пылал огонь. Его щеки были всегда покрыты щетиной, но не потому, что он пренебрегал своим внешним видом, боже упаси, а потому, что буквально через несколько секунд после того, как он заканчивал бриться, она снова отрастала.

— К моему большому сожалению и при всем желании удовлетворить просьбу уважаемого филантропа, — говорил Бен-Цук, продолжая гулять по карте указкой, — у нас нет места для новой миквы. Их количество на квадратный метр в нашем городе больше, чем где бы то ни было на Ближнем Востоке. То же относится и к количеству микв на душу населения.

— Я не понимаю, что значит «нет места», — своим начальственным тоном — насмешливым, укоризненным и слегка раздраженным, каким он обычно разговаривал на совещаниях, — возразил мэр Авраам Данино. (Для личных бесед он приберегал совсем другой тон — отеческий, мягкий и доверительный. Бен-Цук проработал с ним уже два года, но так и не привык к этим резким переходам.) — Если места нет, Бен-Цук, мы его найдем! — Данино

хлопнул рукой по столу. — Как говорится, стоит захотеть — и сказка станет былью!

— Но, господин мэр, даже если мы его найдем, мы неизбежно столкнемся с еще одной проблемой, — сказал Бен-Цук и прикрепил к карте очередной график. — Как видите, — он еще раз ткнул указкой в карту, — в настоящий момент, подчеркиваю, в настоящий момент в нашем городе достигнуто хрупкое равновесие между разными ветвями иудаизма с точки зрения владения миквами. Любая новая миква пошатнет этот баланс, если и вовсе его не разрушит.

Члены горсовета, сформированного с учетом того же священного принципа равновесия между разными религиозными течениями, согласно закивали. Никто не сомневался: это щекотливый вопрос.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Данино, глядя на Бен-Цука своими печальными зелеными глазами. (Люди не привыкли видеть печаль в глазах мэра, и Бен-Цук не раз наблюдал, как при встрече с Данино, особенно при первой встрече, они впадают в растерянность.) — Нет, серьезно, Бен-Цук, — настаивал Данино, — у тебя есть план? Или мы должны сказать Мендельштруму, что нам не нужны его деньги? Пусть, мол, отдаст их другому городу?

— По правде говоря, если посмотреть на карту... — начал Бен-Цук и потянулся к еще одному графику.

— Да отвяжись ты от меня со своими картами! — крикнул мэр, засовывая руку за пояс штанов (как правило, люди, имеющие эту привычку, суют в штаны большие пальцы, оставляя другие снаружи,

но Авраам Данино, наоборот, предпочитал совать за пояс четыре пальца, почти, а может и не почти, касаясь гениталий и оставляя большой палец снаружи). — У тебя есть решение? — Он повысил голос и нервно забарабанил большим пальцем по пряжке ремня. — Ре-ше-ни-е?!

Когда на Бен-Цука кричали, он немел. Уменьшался ростом и снова превращался в мальчишку, отправленного на воспитание в кибуц. Мальчишку, которого чуть ли не в первый же день отвели к водопаду на реке Иегудия и, подталкивая в спину, начали подзуживать: «Прыгни, ну! Давай, прыгни!» Мальчишку, которого не приняли в баскетбольную команду, хотя он не так уж плохо играл. Мальчишку, который в первый же вечер армейской службы провалился в канализационный люк и постеснялся позвать на помощь, потому что боялся, что над ним станут смеяться. Мальчишку, предпочитавшего помалкивать, потому что от любых его идей, даже самых лучших, чаще всего пренебрежительно отмахивались.

— Минуточку! Позвольте мне... — вдруг вступил в разговор представитель Министерства внутренних дел. — А что насчет пустого участка вон там?

Этого серьезного человека с худым, почти изможденным лицом прислали к ним из Иерусалима два года назад, когда в городском управлении обнаружили финансовые нарушения.

— Где? — Бен-Цук энергично лупил по карте указкой. — Здесь? Здесь? Здесь?

Представитель Министерства внутренних дел встал со стула, подошел к карте и показал пальцем

на пустырь между городской окраиной и военной базой. Действительно, на этом участке не было ни одной миквы. Ни единой.

— Вы что, смеетесь? — Бен-Цук прислонил указку к стене. — Вы предлагаете построить микву в Сибири?!

Раздались негромкие смешки. Хихикали все, кроме мэра. Тот вынул руку из-за пояса, ударил ею по столу и изрек:

— Именно так мы и поступим с пожертвованием Мендельштрума. Построим первую — историческую по своему значению — микву в Сиби... в квартале Источник Гордости. Да станет он источником воды живой! Да явится в Сион наш избавитель!

— Но, — удивился Бен-Цук, — зачем им миква? Они ведь даже не... Нет уверенности, что они евреи.

— Бен-Цук, Бен-Цук... — снисходительно улыбнулся мэр. — Кому, как не тебе, знать, что никогда не поздно вернуться в лоно иудаизма. Завтра же поедешь туда и найдешь подходящее место.

— Но, Авраам... то есть уважаемый мэр! Женщины там пожилые. В их возрасте уже не бывает...

— Значит, откроем отделение для мужчин. Я хочу, чтобы к лету миква была готова. Как и просит этот человек.

*

За два года до этого, в день, когда в город приехали репатрианты из бывшего СССР, уроки в школах закончились в одиннадцать утра. Школьники стройными колоннами проследовали на центральную улицу, неся в руках плакаты с надписями черным

фломастером: «Отпусти народ мой!», «Let my people go!» и просто «Добро пожаловать!» Многочисленные безработные прервали свой нерабочий день, чтобы тоже принять участие в торжественной — и исторической по своему значению — встрече репатриантов; в руках они гордо несли фотографии отказников; расторопные лоточники торговали вареной кукурузой и фруктовым мороженым, припрятав на дне своих тележек мерзавчики дешевой водки — на случай, если слухи о репатриантах окажутся верными. За пять минут до назначенного часа из огромных, заблаговременно установленных на нескольких балконах колонок грянула «Хава нагила» и группа местных пенсионеров, наряженных в форму солдат Красной армии (взятую мэрией напрокат в костюмерной театра), медленно и величаво прошествовала в первый ряд. Изумленная публика расступилась, освобождая им проход; руководивший мероприятием мэр с большим удовлетворением оглядел происходящее и устался на поворот дороги, из-за которого должны были появиться автобусы.

Много месяцев подряд Авраам Данино совершал паломничество в Священный город, требуя у властей прислать ему хоть немного русских. Все близлежащие города уже получили свои квоты. Везде, куда прибывали русские, их встречали прохладно — пока не выяснялось, что репатрианты везут с собой отличное образование, неумное честолюбие, светловолосых женщин и дополнительное финансирование городского бюджета, после чего настороженность сменялась искренним восхищением.